

О сущности и значеніи раскола въ Россіи. Н. С. Напечатано по распоряженію оберъ-прокурора святѣйшаго синода въ синодальной типографіи. Слб., 1881 г., 52 стр.

Брошюра г. Н. С., напечатанная по распоряженію оберъ-прокурора св. синода, вышла почти одновременно съ книгою, о которой мы сейчас выше дали короткій отчетъ, но эта послѣдняя брошюра конечно имѣетъ совсѣмъ другую цѣль и иное направленіе. Сочиненіе г. Н. С. имѣетъ болѣе характеръ записки, въ родѣ тѣхъ, какія изготовляются для ознакомленія мало знакомыхъ съ предметомъ членомъ какого либо многосоставнаго учрежденія, при постановкѣ на очередь извѣстнаго вопроса. Въ брошюрѣ въ сжатомъ видѣ приведена исторія раскола, съ объясненіемъ, что дѣло началось по поводу исправленія книгъ Никономъ. Это, конечно, было бы совершенно излишне, если бы записка была составлена для старовѣровъ, или для русскихъ образованныхъ людей, которымъ начальная причина раскола извѣстна изъ учебниковъ. Затѣмъ начинаются доводы о необходимости держать расколъ въ стѣсненіи и ограждать общество „отъ прираженій раскола“ (3) „пресѣченіемъ для послѣдняго способовъ удобнаго дѣйствования на православный народъ“. Доводы эти безъ исключенія всѣ стары и всѣ извѣстны, а также всѣ давно признаны несостоятельными, какъ съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ, такъ и подѣ взглядомъ простой справедливости. Выписывать ихъ здѣсь въ подробности значило бы повторять то, что давно извѣстно и что никого не пугаетъ и никого не разубѣждаетъ въ необходимости поставить вѣрныхъ престолу русскихъ людей стараго обряда въ положеніе, равное со всѣми иновѣрцами, свободно отправляющими въ Россіи свое богослуженіе. Препятствія, находящіяся къ тому авторомъ брошюры, это — все тѣ же старыя опасенія, что при дозволении „оказательства“ старовѣрству, начнутся „прираженія“ къ нему отъ православнаго стада, и сіе послѣднее оскудѣетъ... Газеты, имѣвшія возможность ранѣе насъ оцѣнить достоинства брошюры г-на Н. С., отнеслись къ ней нетерпѣливо и свысока, какъ къ произведенію внушенному, или, по крайней мѣрѣ, тенденціозному, и при томъ столь слабому, что оно безсиліемъ своихъ доводовъ лучше всего работаетъ на пользу дѣла религіозной свободы, противъ которой оно направлено. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи ее даже признали полезною для ищущихъ свободы диссидентовъ, и затѣмъ перестали обращать на нее дальнѣйшее вниманіе, какъ на явленіе весьма незначашее. Газеты, конечно, трудно винить въ томъ, что онѣ не остановились на этой брошюрѣ нѣсколько подольше и, поддавшись негодованію, которое во всякомъ чловѣкѣ деликатной души возбуждаютъ мысли о насилваніи религіозной совѣсти, не отмѣтили въ этой брошюрѣ того, что въ ней есть самого интереснаго въ историческомъ смыслѣ. По нашему мнѣнію, въ ней наибольшаго вниманія заслуживаютъ тѣ мѣста, гдѣ авторъ направляетъ свою ладыю между Сциллой и Харибдой, т. е. между желаніемъ ни за что не освободить расколъ и въ то же время не оскорбить своею нетерпимостію какихъ-то важныхъ иновѣрцевъ, не русскаго происхожденія. Эти мѣста такъ характерны и такъ интересны, что ихъ слѣдуетъ отмѣтить. Брошюра необинуясь трактуетъ, что иностранцамъ возможно имѣть свои „оказательства“, а природнымъ русскимъ это невозможно, и вотъ каковы ея собственныя слова объ этомъ: „Раскольники совсѣмъ не то въ религіозномъ отношеніи, что живущіе въ Россіи иновѣрцы, и было бы противно праву и справедливости сравнивать ихъ въ этомъ

отношеніи съ сими послѣдними. Существенное различіе между живущими въ Россіи иновѣрцами и русскими раскольниками, которое необходимо всегда имѣть въ виду, заключается въ томъ, что всѣ иновѣрцы, состоя вѣрными русскими подданными, не суть однако же по своему происхожденію и національности коренные русскіе люди, а по религіи никогда не были членами православной русской церкви; раскольники же, совершенно напротивъ, всѣ, безъ исключенія, люди русской крови и національности, и всѣ, безъ исключенія, принадлежали, одни раньше, другіе поздѣе, къ православной церкви"... Вотъ доводъ, съ которымъ брошюра убѣждаетъ освоиться и согласиться, главнымъ образомъ, кажется, тѣхъ же иновѣрцевъ, которыхъ она какъ бы заманиваетъ на свою сторону. Вѣроятно ихъ же она имѣетъ въ виду и далѣе, когда дѣлаетъ вѣское по теперешнему времени указаніе, что „возможность рѣшенія вопроса государственною властію признаютъ расплывшіеся въ наше время мнимо-интеллигентные люди“. Это и въ самомъ дѣлѣ можетъ подѣйствовать на людей не русскаго происхожденія, которые усвоили себѣ довольно призрачное отношеніе къ „нашей мнимо интеллигенціи“. Затѣмъ, разумѣется, будетъ легче склонить ихъ слухъ и довѣріе къ истинной интеллигенціи, выразителемъ взглядовъ которой приходится считать автора брошюры, ибо онъ знаетъ, какія настоящія мѣры надо принять, чтобы покончить съ докучнымъ упорствомъ раскола. Онъ говоритъ объ этомъ косвенно, но внятно, указывая одинъ моментъ въ исторіи, когда дѣло раскола понималось правительствомъ будто бы въ наилучшемъ смыслѣ и сопровождалось вполне цѣлесообразными мѣрами, которыя, однако, мнимые интеллигенты оуждаютъ. Радея эта наложена слѣдующимъ образомъ: (стр. 25): „О мѣропріятіяхъ противъ раскола, издававшихся въ царствованіе императора Николая, въ настоящее время такъ многими и такъ строго осуждаемыхъ, нужно вообще замѣтить, что они вѣрно и прямо вели къ своей доброй и столь желательной для православія цѣли: если бы императоръ Николай имѣлъ опытныхъ и искусныхъ, а главное вполне честныхъ и безкорыстныхъ исполнителей своихъ плановъ противъ раскола,—расколъ, можно съ увѣренностію сказать, теперь не существовалъ бы, или по крайней мѣрѣ влчилъ бы самымъ незамѣтнымъ и безвреднымъ для церкви образомъ свое жалкое существованіе, между немногими безвѣстными его представителями“. Милосердное и достойное положительно самой наилучшей страницы во всей нашей исторіи царствованіе недавно почившаго императора Александра Николаевича снова поставило дѣло въ иное положеніе, при которомъ на сторонѣ человѣчныхъ мѣръ этого прелестной души государя, значить, теперь стоять только какъ будто одни „мнимые интеллигенты“, а интеллигенты истинные стоятъ по ту сторону... Какая нелѣпость и въ то же время какая непростительная неловкость со стороны внушеннаго писателя! Можно думать, что онъ ни мало не разсудилъ о томъ, чего хотѣлъ достигъ, такъ грубо отгѣняя эти двѣ эпохи, или онъ просто лишенъ способности чувствовать, какъ живо въ нашихъ сердцахъ и въ памяти все, что освѣщало зарю прекраснаго царствованія государя, кончину котораго страна еще не устала оплакивать... Приходится думать, что писатель гораздо болѣе страстенъ, чѣмъ образованъ и чутокъ, да притомъ еще онъ и не мастеръ своего дѣла. Такъ онъ, напримѣръ, чрезвычайно дурно пишетъ. Въ его злой брошюрѣ есть такіе неуклюжіе протязенносложные періоды, что ихъ можно поставить въ примѣръ семинаристамъ, которыхъ надо научить, какъ не слѣдуетъ писать по-русски.

Московскіе корреспонденты „Новаго Времени“ и другихъ петербургскихъ газетъ, на какихъ-то, извѣстныхъ имъ, основаніяхъ, подъ инициалами автора брошюры Н. С. всѣми буквами читаютъ имя профессора московской духовной академіи Николая Субботина, и названный московскій ученый этого „приращенія“ не отражаетъ.

Н. Л.

„Русскій Архивъ“, 1881. Книга III.

Третья книга „Русскаго Архива“ любопытна во многихъ отношеніяхъ. Есть въ ней полныя живаго интереса воспоминанія извѣстнаго дипломата А. П. Бутенева, впрочемъ, еще не оконченныя; есть отрывки изъ дневника русскаго чиновника, подвизавшагося въ 1845—46 г. въ Прибалтійскомъ краѣ, графа Д. Н. Т.—Знаменскаго (очевидно, псевдонимъ). Характерны по малосодержательности и, говоря словами г. Бартенева, по „необузданности историографическаго вымысла“ воспоминанія графа М. В. Толстого; не менѣе характерна замѣтка и самого издателя „Русскаго Архива“ объ историческихъ романахъ, какъ увидимъ это ниже. Съ большимъ интересомъ, разумѣется, прочтены будутъ новыя отрывки изъ „Мѣднаго Всадника“ Пушкина. Наконецъ, въ ту же книжку попало нѣсколько благополучно возвращенныхъ изъ архива III Отдѣленія бумагъ графа Ѳ. В. Ростопчина. О воспоминаніяхъ А. С. Норова упоминать не стоитъ—они перепечатаны изъ „Военнаго Сборника“ 1868 г.

Таково разнообразіе въ содержаніи „Русскаго Архива“. По немъ можно судить, какъ широко раскидывается здѣсь горизонтъ историографіи. Рядомъ съ документами, проливающими свѣтъ или на ходъ событій, или же на дѣятельность лицъ, дѣйствительно достойныхъ исторической памяти, область историографіи заваливаютъ реляціями какихъ-то невѣдомыхъ „чиновниковъ особыхъ порученій“ о ихъ поѣздкахъ и рукопожатіяхъ, причемъ подробности остановокъ, передвиженій съ мѣста на мѣсто, росписываются удивительно подробно, а объ дѣлѣ, по которому производятся подобныя разѣзды, обыкновенно выражаются очень кратко, въ видѣ категорическихъ резолюцій: „учредить“, „ввѣрить надзоръ“ и т. д. Еще куда бы ни шло печатать эти реляціи, попадаешь въ нихъ хоть случайно та или иная черта, могущая характеризовать время, личность, или крупный фактъ изъ прошлаго. Ничего этого нѣтъ, однако, въ отрывкахъ „изъ дневника русскаго чиновника“, „представленныхъ вниманію читателей“ графомъ Д. Н. Т.—Знаменскимъ. „Вниманіе“ это, видно, не дорого цѣнится, ибо самъ комментаторъ не находитъ, что сказать въ оправданіе своего „представленія“. Правда, онъ отъ себя прибавилъ двѣ-три страницы вступительныхъ и заключительныхъ поясненій, гдѣ, что называется, однимъ взмахомъ пера расправился съ исторіей обрусѣнія Прибалтійскаго края. Но, къ сожалѣнію, ии нисколько не оправдывается интересъ „краткихъ записокъ“. Мало того, графъ Д. Н. Т.—Знаменскій совсѣмъ и не уясняетъ вопроса и не даетъ понятъ даже, какъ представляетъ его себѣ самъ онъ. „Прибалтійскій край“, по его словамъ, „представляетъ любопытную картину. Три провинціи не только не составляли никакой цѣлокупности, но были совершенно разъединены мѣстными интересами. Въ сословіяхъ каждой губерніи также не было единства (?). Stadt und Land (городъ и земля) рѣзко отдѣлялись одинъ отъ другаго... Духовенство въ городахъ отличалось раціонализмомъ (?!); въ деревняхъ